

Габдулле
Тукаю –

120

1886–1913

Саз мой
нежный и
печальный,
слишком мало
ты звучал

Так уж получается, что немало стран и народов мы представляем себе по упоминанию одного лишь имени человека, рождённого на той земле, тем народом. Чаще всего это выдающиеся писатели, композиторы, художники... Говорим: Сервантес, вспоминаем сразу Испанию, Байрон – Англию, Микеланджело – Италию, Маркес – Колумбию. То же самое наш Габдулла Тукай. Татарский народ породил его, и великий талант в своём творчестве уже второй век олицетворяет свой народ, передаёт всю гамму его печали и грусти, искромётного юмора и философии. Тукаевские стихи, поэмы, публицистика, письма, как одна большая, задушевная песня, ёмко и в то же время очень тонко доносят до внимательного слуха национальный характер татарского народа.

Для татарского народа Тукай, всё равно что для русского – Пушкин. И не только потому, что он, как и великий русский классик, является основоположником современного языка и литературы своего народа, но и потому – и прежде всего, – что Тукай, как точно заметил народный поэт Татарстана Сибгат Хаким, – душа татарского народа. Величие Тукая – в национальном характере его творчества, которое как у подлинно великого поэта стало интернациональным. Чувства, мысли, идеи, которые Тукай передаёт посредством своего творчества, понятны и близки всем прогрессивным людям вне зависимости от национальности.

Говоря о близости творчества Тукая прогрессивной части читателей, мы имеем в виду его демократические, гуманистические взгляды. Мир поэта необычайно широк. Всё передовое, прогрессивное, что произвели на свет мировая литература, история, философия, осмыслено им и выдано на-гора проникновенной литературной строкой во благо народа. Всего народа. Безусловно, его лирика, сказки... были понятны и близки всем, но вот разящую, наполненную демократическими идеями публицистику, прямо скажем, принимали в начале 20-го века не все.

Большое влияние на мировоззрение Тукая оказало творчество Пушкина. Это был его идеал. Тукай первым из поэтов Востока подхватил пушкинскую реалистическую традицию. Вообще русская литература занимала в жизни поэта особое место. Кроме Пушкина, он с трепетом относился к Лермонтову, Толстому... Поэтому неудивительно, что Тукай большое внимание уделял художественному переводу. И это имело колоссальное значение не только для татарской, но и для всей тюркоязычной словесности. Есть свидетельство, что классик таджикской и узбекской литературы Садриддин Айни на вопрос «Как он познакомился с творчеством Пушкина?» ответил: «Читая книги Габдуллы Тукая».

Тукай прожил обидно мало – 27 неполных лет. «Саз мой нежный и печальный, слишком мало ты звучал», – писал он перед смертью. Но у нас нет другого такого поэта, который так сильно будоражил бы общественное сознание своего времени, такого многогранного писателя, который так мощно воздействовал бы буквально на все жанры литературы. Лирик, сказочник, он заложил основы и современной татарской публицистики, критики, сатиры, детской литературы, он определил пути развития татарской культуры в целом.

Неудивительно, что его творчество вырвалось далеко за пределы национальной культуры одного народа. Выше была упомянута большая переводческая деятельность Тукая – с русского языка на татарский. Но существует не меньшая обратная связь: Тукай полностью переведён на русский язык. И среди переводчиков такие имена, как Анна Ахматова, Самуил Маршак, Арсений Тарковский, Лев Озеров, Вероника Тушнова... Сегодня мы предлагаем вниманию читателей стихотворение о приезде юного Тукая в Казань в переводе Анны Ахматовой и несколько писем поэта.

Габдулла Тукай

Пара лошадей

Лошадей в упряжке пара, на Казань лежит мой путь,
И готов рукою крепкой кучер вожжи натянуть.

Свет вечерний тих и ласков, под луною все блестит,
Ветерок прохладный веет и ветвями шевелит.

Тишина кругом, и только мысли что-то шепчут мне,
Дрема мне глаза смыкает, сны витают в тишине.

Вдруг, открыв глаза, я вижу незнакомые поля, —
И разлуку с отчим краем всей душой почувял я.

Край родной, не будь в обиде, край любимый, о, прости,
Место, где я жил надеждой людям пользу принести!

О, прощай, родимый город, город детства моего!
Милый дом во мгле растаял — словно не было его.

Скучно мне, тоскует сердце, горько думать о своем.
Нет друзей моих со мною, я и дума — мы вдвоем.

Как на грех еще и кучер призадумался, притих,
Ни красавиц он не славит, ни колечек золотых...

Мне недостает чего-то иль я что-то потерял?
Всем богат я, нет лишь близких, сиротой я нынче стал.

Здесь чужие все: кто эти Мингали и Бикмулла,
Биктимир? Кому известны их поступки и дела?

Я с родными разлучился, жить несносно стало мне,
И по милым я скучаю, как по солнцу, по луне.

И от этих дум тяжелых головою я поник,
И невольно слезы льются — горя горького родник.

Вдруг ушей моих коснулся голос звонкий, молодой:
— Эй, шакирд, вставай скорее! Вот Казань перед тобой!

Вздрогнул я, услышав это, и на сердце веселей.
— Ну, айда быстрее, кучер! Погоняй своих коней!

Слышу я: призыв к намазу будит утреннюю рань,
О Казань, ты грусть и бодрость! Светозарная Казань!

Здесь деянья дедов наших, здесь священные места,
Здесь счастливец ожидают милой гурии уста.

Здесь науки, здесь искусства, просвещения очаг,
Здесь живет моя подруга, райский свет в ее очах.

1907

ПИСЬМА

Габдулле Кариеву
30 декабря, 1907

Дорогой друг, уважаемый Габдулла Хайруллин!

Прежде всего поздравляю Вас со священным праздником гает (хотя бы с последними днями).

Очень обрадовался, получив Ваше письмо от 30 декабря. Оказывается, Вы хотите просвещать бедных мусульман Уральска, оставшихся в невежестве. Желаю успеха в достижении Ваших целей.

Этот год поистине удивителен: Вы тоже увидели солнце, выйдя из беспросветной и жалкой собачьей конуры; странствовали; вот и я, увидев Казань и родные свои места – деревни под Казанью, узнал много поучительного и испытал много разных чувств. Теперь я в Казани, о которой, будучи в Уральске, говорил, пока не пересохло горло, и о поездке туда, куда я посылал свои стихи!

Слава Аллаху! Здесь интересно. Много знакомых из интеллигенции, говорим, веселимся, читаем, обмениваемся мыслями. Однако после приезда в Казань довольно сильно болел. Видимо, сказалась перемена климата. Просто так, из чистого интереса сотрудничаю в «Эль-Ислахе». Жалование получаю в другом месте. Да, мы здесь получаем «Яңа тормыш», безграмотно издаваемую в Уральске несколькими младенцами-неучами. Только и скажешь о них: «Покойники!»

Г. Тукаев

Сестре Газизе
27 марта 1908

76

Любимая моя Газиза!

Получив от Вас гуся и кортлы-май, я написал Вам письмо; наверное, получили. С тех пор не имею от Вас никаких вестей. Или моего адреса не знаете? Если нет, то пишу:

В гор. Казань, книгоиздательство «Китаб», Абдулла Тукаеву. Вот и все.

Казанью, как писал и раньше, я очень доволен. Еще раз сообщая, появилось много друзей. Познакомился с интересными образованными девушками. Куча газет. Каждый день выходят все новые и новые книги. Читаем, пишем и сами. Недавно написал еще одну довольно большую книгу стихов. Эта книга предназначена для детей, она иллюстрирована различными красочными рисунками. Вскоре выйдет из печати. Как только появится, пришлю Вам. Я уже посылал одну из двух ранее вышедших книг. Вторую посылаю с этим письмом.

Вы просите у меня десять рублей. Я их пошлю или деньгами, или в виде подарков.

После приезда в Казань написал две книги и получил сто рублей, по пятьдесят рублей за каждую. Однако расходы очень большие. Нужно как-то жить, на покупку различных книг, на белье, на еду, одежду, за номер – на все нужны деньги.

Может быть, Вы спросите о моей матери*, которую я нашел в Казани.

В Новой слободе есть старушка, живущая в полуразрушенном подвале. Как-то я был приглашен в этот домик. Там должна была ждать меня моя мама. Время было позднее. В темноте я спустился по какой-то лестнице и вошел в дом. В глубине комнаты показалась полная, чернобровая, черноглазая женщина, ей было не более сорока лет. Узнав в ней маму, я поздоровался: «Здравствуй, мама». Она протянула руки и, проговорив: «Жив-здоров?» – вдруг заплакала. Я тоже расстрогался, но сумел взять себя в руки. Из расспросов я узнал, что эта старушка – мать моей матери. После смерти мужа, который был жив при мне, мама вышла за одного из мюридов ишана Бахави. Этот самый мюрид заявил, что по шариаду ей нельзя встречаться со мной, и запретил матери со мной видеться.

По этой причине мама одна, ночью, втайне от своего мюрида пришла к своей матери и послала за мной. Когда я пришел, у

* Речь идет о приемной матери Тукаев.

бабушки уже кипел самовар. Мы с мамой, усевшись друг против друга, пили чай. В то же время мама наставляла меня: «Остерегайся, сынок, будь прилежным, Казань очень испорчена. Кто же тебе скажет это, если не я?» Я отвечал: «Хорошо, хорошо», – и кивал головой в знак согласия.

С другой стороны бабушка дрожащим голосом торопила маму: «Довольно, доченька. Иди, пожалуйста, скорее. Зять – чело-век нрава крутого, может прийти сюда и поднять шум».

Не обращая внимания на ее слова, мама продолжала: «Если бы твой отец был жив...», – она была недовольна этим мужем. Я тоже в душе был настроен враждебно по отношению к этому тупому мюриду. Наконец, мама собралась уходить. «Я сейчас пойду домой, соберу на стол, а ты придешь», – сказала она мне. Я спросил: «А мы будем с тобой сидеть?» Тогда она ответила: «Нет, я не буду показываться, посидишь с моим мужем», – я сказал, что не пойду, потому что не хочу видеть этого мюрида. Все это происходило на третий день курбан-байрама. Накануне праздника я послал маме через людей подарки, там был подарок и для отчима – материал на рубашку и белье. Потому-то мюрид дал согласие на то, чтобы я бывал в его доме. С тех пор мы с мамой не виделись. Довольно писать об этом.

В настоящее время вместе с сыном Ахмет-бая мы организовали некое объединение – издательство под названием «Китаб». Покупаем новые книги, перепечатываем и сами же продаем. Рассылаем в разные стороны ежедневно. Я корректирую книги. Оцениваю их, отправляю по нужным адресам. Контора в моем номере. На этой работе тоже получаю хорошие деньги. Короче говоря, положение у меня хорошее, слава Аллаху. Из Оренбурга пришло письмо с приглашением работать в газете «Вақыт» и журнале «Шуро», предлагают сорок рублей в месяц. Однако ехать туда я пока не могу. Через газету поспорили с оренбургскими писателями. Поэтому и письмо они написали не мне, приглашение я получил через одного приятеля.

Завтра в Казани будет литературный вечер. Там соберутся казанские мусульмане, женщины – все соберутся. Я дал согласие прочитать там свое стихотворение под названием «Беседа».

Кто будет спрашивать обо мне, привет.

Ваш брат Г. Тукаев

Сагиту Сунчалю
4 декабря, 1910

Уважаемый Сагит-эфенди!

Осмотрелся в своей комнате и, не найдя ручки, принялся писать карандашом. Свет издавна устроен так: у сапожника нет сапог, у писателя нет пера.

Похоже, что за «Шильонского узника» принялись Вы рановато, не взвесив как следует свои силы. Сначала надо было попытаться переводить небольшие, в четыре-пять строк, стихи так, чтобы они по красоте и изяществу не уступали оригиналу.

Вот, к примеру, переводили мы с Сагитом Рамеевым: он – «Пророка» Пушкина, я же, бедный, – «Пророка» Лермонтова. У

нас обоих получилось довольно гладко. Тем не менее мы все еще не осмеливаемся взяться за большие поэмы.

Если журнал «Мусульманин» начнет выходить на татарском, думаю посылать туда свои наиболее резкие вещи, которые здесь не будут напечатаны. Пока нужно начинать налаживать переписку с М.К.

Дела, подобные вопросу об иллюстрации Байрона, — это уже второстепенные дела. Об этом еще посоветуемся.

Мнение мое о семье очень определено: если с молодых лет, не сделав никому зла, ты не загубил надежд своей подруги, если вы знаете близко и любите друг друга, да к тому же есть возможность заработать не менее пятисот рублей в год, чтобы семья не испытывала унижения, — жениться следует всякому.

В противном же случае... если в двух сердцах не горит настоящая, большой огонь, если ради семьи придется кланяться низким людям, — боже сохрани!

Те невеселые стихи, начало которых я послал тебе в письме, напечатаны в праздничном номере «Вақыт». Возможно, прочтете. На это письмо ответил с опозданием... Прошу извинения.

Пока прощайте, будьте здоровы.

Г. Тукаев

Сагиту Сунчалю
11 февраля, 1911

Сагит!

В детстве я с мальчишками ходил во фруктовый сад. Все мальчишки, кроме меня, сбивали и крали яблоки. Я же не трогал ни одного. Садовник, заметив мою добропорядочность, сам давал мне яблоки. И я ел эти «подаренные» яблоки, гордо держался перед мальчишками, поедающими украденные плоды: «А мне он сам дал!»

В настоящее время таково мое отношение и к девушкам. Если какая-нибудь из них по собственному побуждению не пошлет ко мне сватов, желая познакомиться, я никогда не унижусь до того, чтобы самому искать знакомства. Но уж если она сама подаст руку, я снова, как в детстве, возгоржусь: «Сама подала», — и буду дорожить этой рукой!

Такой уж я парень, эфенди, и в яблоневом и в любовном саду весьма разборчив.

Довольно, оставим это.

«Плоды души» — поистине прекрасное название. Я и сам обрадовался, что нашел его.

Кривоногую, конечно, не полюбишь. Стоит ли говорить об этом, здесь антипатия естественна.

Рамеевское «Стихотворение Толстого», по-моему, вещь совершенно бессмысленная, нелепая, безвкусная, словом, холостой выстрел!

«Помешанный» — это действительно о Сагите.

Если где искать поэзию, то для этого больше подходят не

столько верховья Волги, сколько низовья. Нижегородская ярмарка слишком суха для поэзии. Да и народ там... как нашатыренный, носится туда-сюда. Каждый занят своим делом. Светопреставление!

Как только выйдут «Плоды души», пришлю тебе.
Глубокое почтение и привет.

Габдулла Тукаев

Сагиту Сунчалю
11 марта, 1911

Сагит!

Произведения Габди Галимзяна, выходящие в периодической печати, написаны довольно гладко, здраво, с душевным подъемом. Но в отдельных произведениях его я не нахожу мастерства и красоты, способных оставить в душе какой-то след. На тему, которую можно изложить на десяти страницах, он всегда изводит бумаги больше в несколько раз. Иногда, возможно, сам того не замечая, допускает очень некрасивые и даже порнографические выражения.

В голове вертится несколько замыслов одной поэмы. Только пока еще ум не может переварить ее. В конечном счете должен бы получиться «Евгений Онегин» по-татарски, в татарском духе и с татарскими героями. Что бог даст. Если по плечу, попытайся ты. Благословляю.

Самобытный талант Никитина, по моему мнению, не ниже Пушкина. Только он, не получив систематического образования, не смог, как нужно, воспитать свой ум и дух. А это довольно существенный фактор.

Если смогу найти достаточно денег, то весной, а не летом, с первым же пароходом хочу поехать в Астрахань к Сагиту Рамееву, а оттуда собираемся вдвоем к киргизам на кумыс. Есть намерение все лето кататься по Волге и, если выдаться возможность, заглянуть недели на две в Стамбул. Что бог даст.

С.Р. — это человек, в котором уже с рождения намечались черты высокомерия, смешанные с упрямством.

Ф.А. давно пишет теорию словесности. Я тоже стараюсь по мере сил быть полезным ему в этом деле. Думаем, что таким образом, может быть, вдвоем составим основы татарского стихосложения.

Я на днях закончил для детей иллюстрированное произведение «Песи Г. Жамал» или «Песибикэ». Вышло довольно сносно, как только напечатают, пришлю. «Плоды души» должны выйти через два-три дня. Начали печатать.

Для второго раздела сборника «Народных мелодий» нашел замечательные материалы. Собираюсь его состряпать.

Пока прощай.

Да пожелаем друг другу всяких благ.

Г. Тукаев